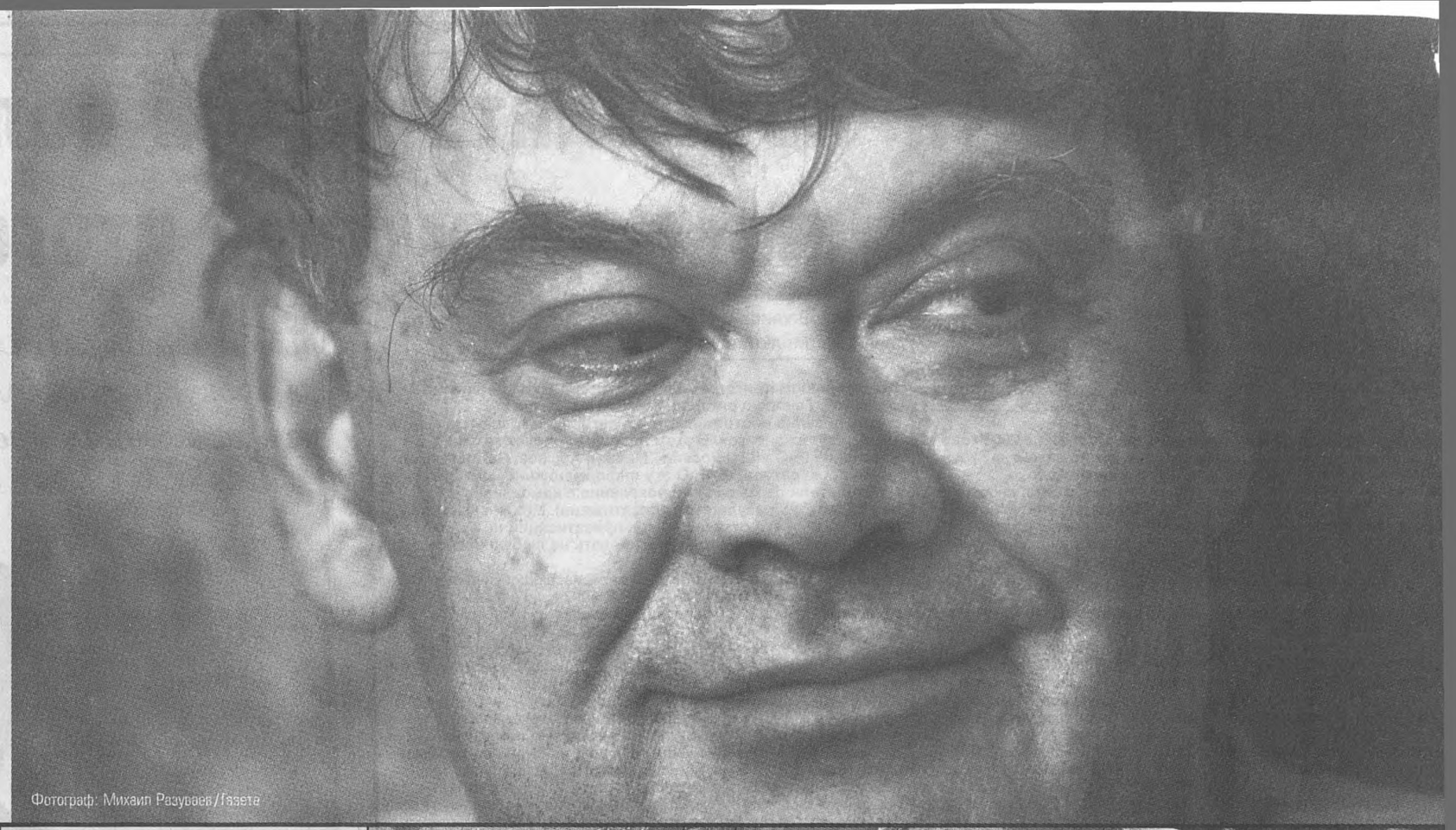
Мы не защищали Сталина, мы говорили, что перед Господом Богом, если таковой имеется, этот страшный немощный старик просто вот лежит и перднуть не может

Вот этот анекдот «Опять в газовую камеру» — это про меня. У меня не было ни одной картины, где бы меня не запрещали, не требовали уволить



Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

Газета - 2003 - 18 июля - с. 1, 8-9.

“это кайф непередаваемый — быть автором мира”

Алексей Герман — **Газете**

Окончание. Начало на странице 01

Мы и дальше хотели бы преподавать на «Ленфильме» своим методом. Я их забираю на свою картину, и два дня по восемь часов они у меня сидят на съемках. Я им говорю: «Вот сцена, я не знаю, как ее снимать (это чистая правда — я никогда не знаю, как снимать), у меня все расписано по миллиметрам, и все равно во мне есть ощущение, что я не знаю. А вот когда возникнет, что я заранее знаю, как снимать, это для меня всегда катастрофа, всегда пересъемка». Пусть каждый из них, хоть они еще ничего не умеют, покажет, как он бы это снял. Тут уже можно разговаривать, почему так, а не иначе. Вообще во всем процессе обучения есть один главный момент — надо правильно набрать людей. Остальное приложится. Если правильно набрал, ты можешь их взять рабочими сцены, а они все равно станут режиссерами. Даже учить не надо, сами научатся. Мы это делаем не только для них, больше для себя. Нам с ними интересно.

Если вы не смотрите нового российского кино, то можно предположить, что ваши споры с Михалковым — в самом деле не дискуссия об искусстве, а конфликт с материальной подоплекой. Это так?
Михалков по телевидению объявил, что он мне лично дал денег на картину. Это мне неприятно. Он мне никогда не давал лично денег на картину, действительно, разговаривал со мной дважды по телефону и оба раза уверял меня, что я великий русский режиссер, — я его не просил! — но деньги на печать копии дал не он, а богатый Фонд культуры, который он возглавлял. В Госкино денег не было… Так что Михалков позабыл. Я его как председателя фонда поблагодарил в газетах. Но уж поскольку речь зашла о мифических «личных» деньгах, так красиво вынутых из якобы собственного кармана, так есть договор за номером, печатями, правами и обязанностями сторон, подписями официальных лиц фонда, форс-мажором… Ксерокс договора вы через пятнадцать минут можете получить. Еще раз Михалков заявит, что давал мне личные деньги, — подам в суд. Кстати, деньги на печать копии ахнули в лаборатории «Мосфильма»… Они не только не сумели напечатать черно-белый «кодак», позднее признавшись, что не умеют, но и очень сильно расцарапали негатив, а деньги вернуть не могли. В Париже эту работу весьма качественно и уже за деньги Госкино сделали за пять дней.

Возвращаясь к вашей преподавательской деятельности: вы вообще верите, что можно научить хорошему или дурному вкусу?
Не верю, это должно быть заложено. Человеку можно сказать: «Послушай, как тебе не стыдно, ты сейчас не душу свою включил, не сердце, не печенку — ты включил желание понравиться. Бойся этого и беги от этого!» Чаще всего это не с режиссерами, а с артистами.

Почему тогда Ярмольника взяли?
Я не могу сказать, что с Ярмольником прокололся. Может быть, он сыграет хорошо, дай Бог ему здоровья! Случилось следующее: я вообще не знал, что он артист, клянусь памятью предков. Я видел по телевидению человека, который отдает какие-то подарки, улыбается. Хорошее лицо для средневекового человека, носяра такой здоровый. Крепкий, обаятельный и в телевизоре пропадает! Я его и потащил, как до того Юру Цурило, которого почти не снимают, — для меня это загадка. Смотрю недавно сериал, и вдруг среди этих неживых мумий сидит человек со знакомым лицом и здорово играет. Думаю, человек какой не актерский. А это был наш Цурило.

Почему, по-вашему, так мало новых достойных артистов появляется?
Не учили во ВГИКе. Наш сын, например, во ВГИКе учился, так у них вообще не преподавали актерское мастерство. Не понимаю почему. Как можно режиссеру не преподавать актерское мастерство? Это как механику танка не показывать танк. Хотя я именно таким офицером был в Советской Армии. Я был командиром дзота, но за отсутствием допуска дзот мне не показали ни разу.
Количество хороших артистов зависит от востребованности. Не было востребованности — пропали артисты. Третий момент: артист театра и артист кино — это люди разной профессии. То, что и та и другая профессия использует жест, текст, пластику и так далее, ничего не обозначает. Если артист благополучно работает и в театре, и в кино — это значит, что он владеет двумя профессиями. Допустим, театр предполагает оценку любого события. Жестом, например, мимикой, пластикой… Кино это отрицает. Здесь главное оружие — глаза. Из наших артистов глазами играть мало кто умеет. В отличие, например, от английских.

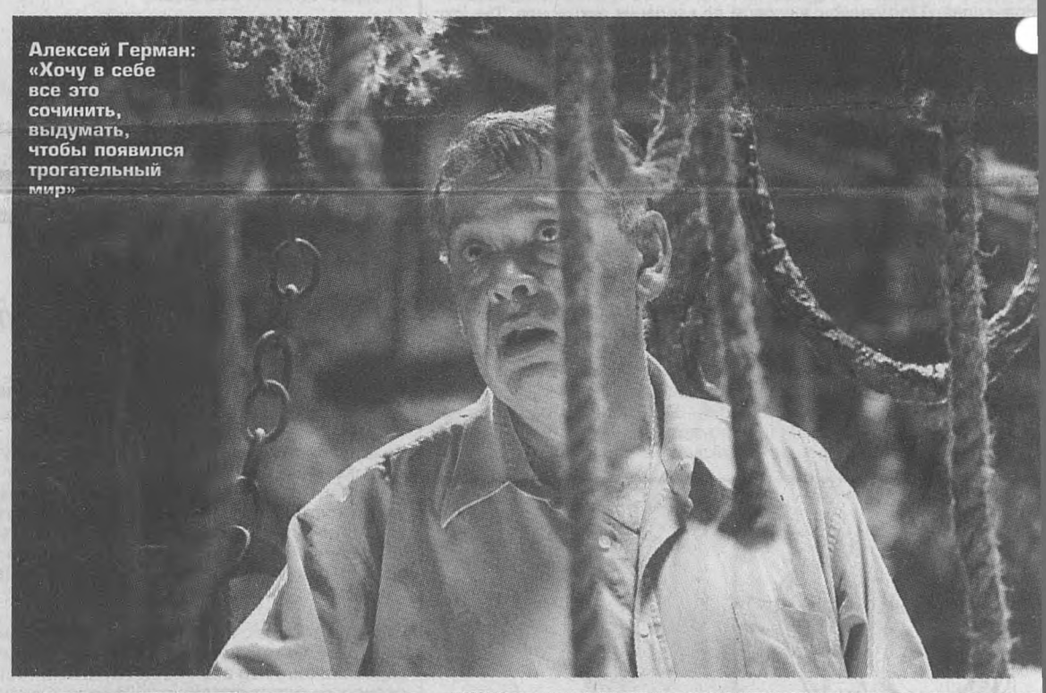
«если Герман снимет дрянь — обрадуются все»

Как вы вообще смотрите на разницу в подходах к кинематографу на «Ленфильме» и «Мосфильме»?
Мы переехали в Москву. Продали папину квартиру, дачу, почти все имущество. Возможности снимать картину были, так что мы стали желанными новоселами… Только вот одно. О том, как снимать, что мы скажем этим фильмом, со мной почти никто не разговаривал. Сроки, «зеленые», какая заграница.., Мы и уехали обратно на «Ленфильм». Здесь хоть слово «искусство» не под запретом… От Москвы воспоминание, как от Гонконга. Ревущие, воняющие потоки старых машин среди лужковских архитектурных башенок и бегающие глаза подбираемой группы.

Образ «Ленфильма» как храма искусства возникает на Западе еще и потому, что полномочными представителями российского кино на международных фестивалях выступают всего несколько режиссеров — в частности, Сокуров и вы.
Я на фестивали в конкурсные показы больше никогда не полезу. Многие очень радовались тогда, что «Хрусталев, машину!» ничего не получил. Был у меня товарищ Мартыненко, он хорошо сказал: «Если Герман снимет замечательный фильм, обрадуются многие, но если он снимет дрянь — обрадуются все». Я не хочу, чтобы выставлялись мои сны, мои слезы (сейчас уже слез нет, раньше я любил порыдать над тем, что придумал). В «Хрусталеве» все персонажи наши — папа, мама, бабушка, Белла, Лена — эти еврейские девочки, шофер Коля, Линдеберг, который к нам пришел, а папа спустил его с лестницы, потому что был убежден, что это провокатор. А вторая часть «Хрусталева» — то, что было бы, если бы папу посадили. Это фантазия, сон, наш ужас.
В этом страшном сне мы были достаточно беспощадны к самим себе, и к любимой моей матушке, и к бабушке… Кстати, сыновья Беллы и Лены нашли нас в Сан-Франциско и поблагодарили за фильм. Они приходили на каждый сеанс. Вы же понимаете, что я не был стукачом, что это фантазии. И это уже сочиненная драматургия.
А вообще эти годы детства нам часто снятся. И это невеселые сны. Это мы уже придумали. Помню, в школе у меня был мальчик по фамилии Дворкин, такой тихий был, а вдруг сбесился — год был 1949-й, — бегал по классу, грозился, что учительницу укусит… Потом выяснилось, что кого-то арестовали и семью выселяют.

Директор Каннского фестиваля Жиль Жакоб меня туда вытащил с лозунгом, что мой фильм — лучшее, что он видел за последние двадцать лет, что это «расцвет творчества Феллини». Потом мы ничего не получили. Жакоб — очень достойный человек, я видел, как он держался, ни на кого не давил. Я буду по-прежнему его уважать, но больше не поеду. Это был момент унижения, второй в моей жизни.
А первый был таким. Была барышня, с которой я крутил роман, и меня предупредили, что с ней гуляет бандит.
А мне что — бандит, не бандит, начальник ленинградской милиции у папы дома играл на баяне и напивался в стельку. Пошел с ней в «Асторию», и вдруг мой стул окружили человек восемь народа, меня прижали так, что я и пискнуть не мог. И мне тихо и планомерно кончик носа сожгли сигаретой так, что я стал, как свинка… Потом дернули стул, я упал… и ничего, все вокруг играют. Почему-то шрама потом не осталось — странно. Вот это дикое унижение, еще и при даме.
Побывав членом жюри в Каннах, я предупреждал — это не каннская картина. Сначала писали плохие статьи, а уже потом, после фестиваля, когда «Хрусталев» пошел в Париже, французская Liberation извинилась перед нами за Каннский фестиваль, появились в большинстве восторженные отзывы, французский продюсер исправно нам их пересылал, штук сорок пять таковых… А потом картина и вовсе вошла в пятьдесят лучших картин мирового кинематографа во все времена, по опре-

Ренессансные фрески на декорациях «Трудно быть богом» оттеняют средневековый мрак



Алексей Герман: «Хочу в себе все это сочинить, выдумать, чтобы появился трогательный мир»

«Эти годы детства нам часто снятся. И это невеселые сны» (кадр из фильма «Хрусталев, машину!»)

Лучшая роль Андрея Болтнева — Лапшин в фильме Германа (кадр из фильма «Мой друг Иван Лапшин»)

Алексей Герман: «Из художников мне наиболее близки Гойя, Босх, Брейгель»

Алексей Герман: «Я вообще не знал, что Ярмольник артист, клянусь памятью предков»